
Н. Н. ГУБАНОВ

МЕНТАЛИТЕТ И ЕГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В ОБЩЕСТВЕ

Детерминация поведения и деятельности индивидов и социальных групп имеет не только экономический и политический, но и духовный характер. В рамках исследования духовно-психологических детерминант человеческой активности философы обращаются к проблеме менталитета, или ментальности. Менталитет, являясь ядром личностной и групповой культуры, стратегической культурной программой индивидуального и коллективного субъекта, функционирует в составе основных противоречий общества. Постигание закономерностей социально-исторического процесса невозможно без знания сущности, содержания, типов и функций менталитета. Понимание и учет многообразных ментальных особенностей индивидов, социальных групп и целых народов являются условием их бесконфликтного взаимодействия в составе социума. Актуальность исследования индивидуальных и групповых форм менталитета повышается в условиях углубляющейся глобализации и расширяющейся миграции населения.

Однако исследование функционирования менталитета затрудняется из-за неясностей в трактовке самой его сущности. Никто из исследователей осознанно не использовал общефилософскую категорию особенного, которая, как мы пытались показать в одной из работ¹, является ключевой для понимания сущности менталитета. Наряду с неопределенными и трудно интерпретируемыми можно выделить следующие позиции: 1) отождествление менталитета с индивидуальным или общественным сознанием или психикой

¹ См.: Губанов, Н. Н. О понятии менталитета // Философия и будущее цивилизации: Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса: в 5 т. Т. 1. – М., 2005. – С. 596.

субъекта²; 2) отождествление менталитета с некоторыми элементами, частями, сферами или уровнями сознания и бессознательного³; 3) понимание менталитета как особенностей сознания или психики⁴. Наиболее плодотворной представляется последняя позиция, хотя и ее сторонники осознанно не используют категорию особенного.

Введение нового термина и нового понятия имеет смысл тогда, когда для них находится специфический денотат, то есть совокупность объектов, которая еще не имела своего наименования. Эта совокупность и должна составить объем нового понятия. Духовный мир человека (психика) и все его части (свойства, процессы, состояния, уровни), сознательные и бессознательные, уже имеют свои названия, и для их характеристики новое понятие не требуется. А вот *особенности элементов сознания и бессознательного* человека еще не имели своего названия. Их-то и можно именовать термином «менталитет». Понятие менталитета соответствует общепhilosophической категории особенного. Его содержание должно включать следующие основные характеристики.

1. Менталитет – это система социально-психологических особенностей индивидов или социальных групп. В первом случае это то, что отличает в духовном плане одного человека от другого. Особенности, составляющие групповой менталитет, по отношению к членам группы (например, представителям данной нации) выступают как общее, а по отношению к более широкой общности (скажем, населению страны) – как единичное, то есть групповой менталитет может иметь разную степень общности.

Корректно ли понятие «менталитет человечества»? Думается, что нет. Понятие менталитета имеет сравнительный характер и соответствует категории особенного, предполагающей существование более широкой, чем особенное, общности. Для человечества же такой более широкой общности нет. Существует сознание челове-

² См.: Душков, Б. А. Психосоциология менталитета и нооменталитета. – Екатеринбург, 2002; Манекин, Р. В. Контент-анализ как метод исследования исторической мысли // Клио. – 1991. – № 1.

³ См.: Кошовец, О. Б. Ментальность // Словарь философских терминов. – М., 2004. – С. 380; Гуревич, А. Я. Исторический синтез и школа «Анналов». – М., 1993; Визгин, В. П. Ментальность // Новая философская энциклопедия. – Т. 2. – М., 2001. – С. 525.

⁴ См.: Петровский, А. В., Ярошевский, М. Г. Основы теоретической психологии. – М., 1998; Дубов, Г. И. Феномен менталитета: психологический анализ // Вопросы психологии. – 1993. – № 5.

чества, психика человечества, коллективное бессознательное, но нельзя выделить менталитет человечества. Если же будут открыты вземные формы разума, то понятие «менталитет человечества» приобретет смысл. Наш менталитет будет одним из типов, скажем, гуманоидного менталитета.

В менталитет следует включать особенности тех составляющих психики, которые подвержены межсубъектной дифференциации, то есть у разных людей и социальных групп могут быть различными, как-то: сенсорные и перцептивные, в том числе установки, представления-цели и представления о значимых ценностях и нормах поведения; мотивационные, представленные специфическими потребностями, интересами, идеалами, ценностными ориентациями, целями; чувственно-эмоциональные, в том числе и веровательные; волевые и характерологические; мнемонические; когнитивно-интеллектуальные (задатки, способности, знания); мыслительные, или рациональные; особенности темперамента. К ментальным особенностям относятся и качества личности (способности, черты характера и др.), и содержание духовного мира (идеи, установки, представления и др.). Мотивационные особенности, по-видимому, служат ядром менталитета, которое в значительной степени определяет характер всех других его компонентов.

Иногда менталитет связывают только с рациональной сферой сознания. Но поскольку управляющая функция присуща всей психике, и на деятельность влияют все ее составляющие, то важно изучение различий между людьми не только в рациональной, но и в других сферах психики. Поэтому к менталитету следует относить особенности всех составляющих психики. И такое толкование менталитета не противоречит этимологии термина. Принято отмечать, что латинские «mens» и «mentis» означают ум, мышление. Обычно остается без внимания, что эти слова, от которых берет начало термин «менталитет», означают еще характер, душевный склад и душу⁵. Понятия же души и психики человека тождественны: оба они характеризуют все духовные явления, переживания человека, сознаваемые и несознаваемые. Так что и с этимологической точки зрения категорию менталитета целесообразно считать интегральной характеристикой уникальности духовного мира личности.

⁵ См: Дворецкий, И. Х. Латинско-русский словарь. – 2-е изд. – М., 1976. – С. 630.

Менталитет – это и ситуативные особенности, обусловленные текущими обстоятельствами, и относительно устойчивые особенности. Первые представляют собой верхние уровни менталитета, а вторые – это его нижние, глубинные уровни. Чем более глубинной и устойчивой является ментальная особенность, тем большей регулирующей силой она обладает.

К менталитету относятся не только качественные, но и количественные ментальные особенности. Конкретное изучение того или иного менталитета предполагает выделение и описание ментальных особенностей трех видов:

1) уникальных социально-психологических признаков субъекта; 2) своеобразного сочетания социально-психологических признаков; 3) специфической величины признаков. Изучение менталитета – более сложная задача, чем просто исследование духовного мира, оно предполагает два этапа: 1) идентификация социально-психологических признаков у разных субъектов и степени выраженности этих признаков; 2) сравнение признаков различных субъектов и выявление на основе этого их особенностей, то есть менталитета каждого из них. Если же процедура сравнения не производится, то это есть изучение просто сознания или бессознательного, но не менталитета.

2. Поскольку сознание и психика субъекта в целом детерминируются генотипом, окружающей средой и собственным духовным творчеством субъекта, то и менталитет детерминируется, во-первых, особенностями генотипа, во-вторых, своеобразием природных и социальных условий и, в-третьих, качеством и степенью собственной духовной активности субъекта как формой самодетерминации. Первые два детерминирующих фактора – генотип и среда – обеспечивают сохранение и трансляцию менталитета – передачу ментальных особенностей от одних поколений к другим и от одних лиц к другим. Третий же фактор – духовная активность человека – обуславливает развитие менталитета и его совершенствование.

При обсуждении вопроса о становлении менталитета принимаются во внимание первые две из отмеченных форм его детерминации. Практически не учитывается качество самодетерминации менталитета. А между тем человек не есть пассивное произведение наследственности и внешних условий. В лучшем своем воплоще-

нии он обладает внутренней программой активности и является творческим существом. Это творчество управляется менталитетом человека и заключается в создании новых форм культуры и формировании у самого себя чуждых социально-психологических качеств. Наиболее оригинальные компоненты менталитета возникают именно в результате актов самодетерминации. Например, менталитеты А. С. Пушкина и Л. Н. Толстого отличались от менталитетов других людей в первую очередь тем, что создал их творческий дух, а не тем, что они получили на уроках в гимназии.

3. Менталитет посредством перцептивных и мыслительных установок, доминирующих потребностей и вызванных ими эмоций детерминирует своеобразный характер восприятия мира и эмоционального реагирования на его события.

4. Сознание субъекта и в целом его психика регулируют речь, поведение и деятельность людей, а менталитет определяет специфический характер человеческой активности, в частности, ее направленность.

5. Менталитет – это средство осуществления социальной самоидентификации субъекта, основа социальной солидарности, фактор, обеспечивающий единство и преемственность существования социальной общности. Субъектом на основе осознания своих ментальных особенностей и сравнения их с особенностями других субъектов происходит отнесение себя к определенной социальной общности. Осознание себя частицей этой общности далее формирует чувство социальной солидарности и вытекающее из него стремление поддерживать внутригрупповые связи и оказывать моральную, материальную и организационную поддержку членам своей группы.

6. Менталитет служит фактором, стимулирующим социальный прогресс посредством культурных инноваций, составляющих содержание новых ментальных особенностей.

Обобщая изложенное выше, *менталитет можно определить как возникшую на основе генотипа под влиянием природной и социальной среды и в результате собственного духовного творчества субъекта систему качественных и количественных социально-психологических особенностей человека или социальной общности; эта система детерминирует специфический характер восприятия мира, поведения, деятельности, самоидентификации субъекта,*

обеспечивает единство и преемственность существования социальной общности, а также стимулирует социальный прогресс посредством продуцирования культурных инноваций.

Содержание менталитета перекрывается (частично совпадает, а частично не совпадает) содержанием других духовных образований: особенности мировоззрения, общественного сознания, общественной психологии, идеологии, духовного мира людей входят в содержание менталитета. Кроме этих особенностей менталитет включает в себя общие для данной социальной группы особенности бессознательной психики, а также личностные особенности субъекта менталитета (способности, черты характера и темперамента). Общечеловеческие компоненты названных духовных образований в менталитет не входят. Образ мышления, национальный характер, ценностные ориентации – это компоненты менталитета.

Поскольку понятие менталитета является однопорядковым с философскими категориями сознания, бессознательного и личности, выражая их специфику, уникальность у носителя данного менталитета, то и это понятие также обладает статусом философской категории, имея социально-философский, антропологический и гносеологический аспекты. При рассмотрении регулирующих функций менталитета это понятие выступает как категория социальной философии, при исследовании качеств человека – как категория философской антропологии, а при исследовании содержания духовного мира субъекта – как категория гносеологии.

В отечественной философии советского периода понятие менталитета в качестве философской категории не использовалось. Познавательный характер и регулирующие функции духовного мира индивидуального и коллективного субъекта описывались с помощью категорий индивидуального сознания, группового сознания, общественного сознания, общественной психологии, идеологии, мировоззрения. И такой подход давал определенные научные результаты. По сравнению с названными категориями понятие менталитета обладает дополнительными эвристическими возможностями. Понятие менталитета, во-первых, служит интегральной характеристикой *уникальности* духовного мира субъекта, во-вторых, способствует пониманию *специфического типа* восприятия мира субъектом и, в-третьих, объясняет *особый способ* его поведения и деятельности.

Духовный мир регулирует активность (общение, поведение, деятельность) субъекта в целом, а менталитет в составе духовного мира детерминирует специфический характер этой активности, ее направленность. В возможности выявления специфики активности, поиска ответов на вопросы не только о том, почему происходит данная индивидуальная и массовая деятельность, но и о том, почему эта деятельность имеет *именно данный* характер, почему субъект воспринимает явления мира *именно таким образом*, заключаются новые эвристические потенции категории менталитета. Например, эта категория позволяет дифференцировать ответы на вопросы: «Почему человек работает?» и «Почему он работает *по данной* специальности?»; «Почему люди участвуют в политическом движении?» и «Почему они участвуют *в этом* движении, а в *других* не участвуют?» и т. п.

Перейдем теперь к наименее разработанному вопросу в проблеме менталитета – вопросу о его функционировании в обществе. Предлагаемый вариант можно рассматривать как социально-философскую гипотезу, которая, как и всякая гипотеза, должна подвергаться критическому рассмотрению. Наша гипотеза опирается на разработанную А. С. Ахиезером социокультурную концепцию развития общества⁶. Согласно ей, движущей силой развития общества является внутреннее противоречие воспроизводственной деятельности общественного субъекта – противоречие между потребностями, ценностями и возможностями субъекта, с одной стороны, и воспроизводимым объектом, с другой стороны. Конкретной формой этого противоречия, по А. С. Ахиезеру, выступает противоречие между культурой и социальными отношениями (экономическими, политическими, нравственными, этническими и др.). Вопрос об основном противоречии общества является недостаточно разработанным. Возможно, то, что А. С. Ахиезер полагает самым основным противоречием, является одним из основных, что мы и будем иметь в виду.

Под культурой мы будем понимать систему «исторических развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности».

⁶ См.: Ахиезер, А. С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). – Т. 1. От прошлого к будущему. – 2-е изд. – Новосибирск, 1997; Т. II. Теория и методология: Словарь. – 2-е изд. – Новосибирск, 1998.

тельности (деятельности, поведения и общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях»⁷. «...Культура выступает как всеобщее основание воспроизводственной деятельности, как ее программа»⁸. Поскольку менталитет детерминирует характер активности индивида или социальной группы, специфику, направленность этой активности, то он, менталитет, может быть истолкован как *ядро личностной и групповой культуры, как стратегическая культурная программа субъекта*. Изложенное позволяет предположить, что *одно из существенных противоречий общества имеет форму противоречия между менталитетом и социальными отношениями*. Конкретное общество существует до тех пор, пока ему удастся через напряженную воспроизводственную деятельность преодолевать или удерживать противоречие между менталитетом и социальными отношениями в границах, достаточных для интеграции этого общества.

Социокультурную динамику общества можно представить примерно следующим образом. В ходе своего развития общество неизбежно и постоянно получает вызовы истории – «факторы, ставящие жизнь общества под угрозу в результате различного рода **Конфликтов**, появления новых массовых дискомфортных идей, новой технологии, роста **Экологических проблем**, конфликта **Культур** и т. д. Угроза **Дезорганизации**, роста **Дискомфортного состояния**, кризисов, **Катастроф** заставляет людей искать принципиально новые решения»⁹. Как ответ на вызов истории в индивидуальном менталитете зарождаются новые ментальные особенности. Их появление – результат культурного творчества. Социальные условия – это фон, на котором осуществляется это творчество. Осмысление социальных условий и прошлого опыта творцами приводит к возникновению новых культурных смыслов. Эти новые культурные смыслы могут возникать у представителей любых слоев общества, но основным их источником служит духовная элита. Чем масштабнее личность, тем большее влияние она оказывает на групповой менталитет. Особенно сильным в истории было влияние на менталитет людей со стороны творцов новых религий – Будды, Конфуция, Христа, Магомеда, деятельность которых дала начало новым типам культуры.

⁷ Степин, В. С. Культура // Вопросы философии. – 1999. – № 8. – С. 61.

⁸ Ахизер, А. С. Россия: критика исторического опыта... – Т. II. – С. 482.

⁹ Там же. – С. 113.

Новая ментальная особенность, культурная инновация возникает вначале у отдельных лиц как ситуативное решение какой-либо актуальной для того времени социально-культурной проблемы. Затем эта возникшая культурная инновация закрепляется, становится устойчивой, начинает распространяться в социуме и постепенно становится компонентом группового менталитета. Становление индивидуальной ментальной особенности частью коллективного менталитета – сложный и трудный процесс. Данный процесс может включать борьбу, временное непонимание, преследование творцов новых культурных смыслов и нередко сопровождается трагическим исходом для этих творцов.

Новые компоненты менталитета выступают как новые формы культуры – программы деятельности в нравственной, политической, экономической, правовой, религиозной, научной сферах. *Менталитет же в целом служит глобальной программой человеческой активности.* Возникает противоречие между новыми ментальными особенностями, воплощающими в себе вновь появившиеся формы культуры, и существующими социальными отношениями. Данное противоречие порождает особое состояние, названное А. С. Ахиезером конструктивной напряженностью. Оно преодолевается через соответствующую воспроизводственную деятельность коллективного субъекта. Если эта деятельность конструктивна, то она приводит к установлению более прогрессивных социальных отношений по сравнению с отношениями, существовавшими ранее. Общество благодаря этому поднимается на более высокую ступень своего развития. Важно подчеркнуть, что для установления новых социальных отношений необходимо, чтобы соответствующие им культурные смыслы стали устойчивыми компонентами массового менталитета. И эти установившиеся социальные отношения будут в дальнейшем относительно стабильными, если станут поддерживаться воспроизводственной деятельностью масс, основывающейся на их менталитете. «Ход истории определяется в конечном счете... деятельностью миллионов»¹⁰.

В свою очередь, старые компоненты менталитета, обладая социальной инерцией и консервативностью, могут тормозить становление новых социальных отношений. Таким образом, *менталитет*

¹⁰ Ахиезер, А. С. Россия: критика исторического опыта... – Т. I. – С. 343.

имеет противоречивую природу и воплощает в себе дуальную оппозицию новации и традиции, он служит одновременно и продуцирующим социальный прогресс фактором, и фактором, сдерживающим чрезмерно быстрые и чрезмерно крупные социальные изменения. Обе стороны дуальной оппозиции менталитета – новация и традиция – необходимы, и между ними должно быть равновесие, своеобразный баланс. Имеется разумная мера новаций, названная А. С. Ахиезером шагом новизны, под которым понимается величина допустимых новшеств, не нарушающая комфортного состояния субъекта и стабильного состояния социума. Излишняя новизна, например непродуманные поспешные реформы, может вызвать деструктивные процессы и последующий за ними распад социума. Но имеется и разумная мера консерватизма, традиционности. Излишний консерватизм тоже играет отрицательную роль, он приводит к застою, накоплению нерешенных проблем и вместе с ними деструктивных процессов, которые в конечном счете могут разрушить этот социум.

В соответствии с отмеченными выше двумя сторонами своей дуальной оппозиции менталитет выполняет и две социокультурные функции: 1) поддержание преемственности существования социальной общности и ее единства через устойчивость поведения и воспроизводственной деятельности входящих в нее членов; 2) стимулирование социального прогресса посредством постепенной смены ментальных особенностей социальной общности – ее культурных приоритетов – через культурные инновации как новые программы воспроизводственной деятельности субъектов. В стабильных социальных условиях указанные социокультурные функции менталитета уравновешены.

Выше отмечалось, что практически не исследован процесс самодетерминации менталитета, возникновения в нем новых культурных смыслов в результате креативной деятельности субъекта. Это служит, видимо, одной из причин весьма слабой изученности социокультурной функции менталитета, заключающейся в стимулировании социального прогресса. Во многих работах менталитет изображается как сугубо консервативный социокультурный феномен. Некоторые авторы вообще отрицают активную, продуцирующую социальный прогресс функцию менталитета. Так, М. Ю. Шеваков пишет, что «функция менталитета в общественном сознании

состоит в обеспечении механизма стабильности, а не механизмов изменения»¹¹. Думается, что такая позиция в теоретическом отношении существенно обедняет понимание менталитета, а в методологическом отношении не способствует раскрытию причин прогрессивной социокультурной динамики.

Особым состоянием менталитет отличается в периоды социальных кризисов. В это время, во-первых, усиливается борьба между ментальной новацией, несомой одной частью социума, и ментальной традицией, представленной остальной частью этого социума. Во-вторых, возникающие в период кризиса слишком быстрые непредсказуемые изменения, а также многообразные деструктивные явления приводят к элиминации из менталитета некоторых компонентов, которые не могут функционировать в условиях кризиса из-за их неадекватности. В то время как старые, неадекватные, ментальные особенности элиминируются, новые, адекватные, не успевают создаваться. Это разрушающее воздействие кризисной ситуации на менталитет подвергает опасности его целостность и сплачивающий, интегрирующий деятельность людей характер. В случае экстремального, критического воздействия кризисной ситуации на менталитет может произойти его дестабилизация, расслоение и нарушение общности членов данной группы, что, в свою очередь, может вызвать и распад этой группы. Возникающее в результате отмеченных процессов состояние может приводить к появлению многочисленных форм девиантного поведения и острым психологическим кризисам у представителей данной социальной общности¹².

Эта общность становится способной прежде всего – а иногда и исключительно – к деструктивному в социально-политическом плане поведению. В таком случае возникает особый, а именно кризисный менталитет, который служит выражением определенного распада устойчивых прежде социальных образований. Докризисный менталитет отличается целостностью, относительной устойчивостью, адекватностью социальным условиям, способностью интегрировать социум и направлять усилия его членов на конструктив-

¹¹ Шеваков, М. Ю. Менталитет: сущность и особенности функционирования: автореф. канд. дис. – Волгоград, 1994. – С. 20.

¹² См.: Менталитет // Политология: энциклопедический словарь. – М., 1993.

ную деятельность. Кризисный менталитет характеризуется отсутствием целостности, чрезмерной ситуативностью и изменчивостью, неспособностью обеспечивать единство социума и противостоять деструктивным социальным процессам. Менталитет кризисного типа возникает, например, в ситуациях резкого перехода от тоталитаризма к демократии. Еще одна черта кризисного менталитета – его расколотость, разорванность, чрезмерная противоречивость. Противоречия могут иметь место и в докризисном менталитете. Расколотость означает наличие противоречия в самом ядре менталитета – в его ценностно-мотивационном компоненте. Поскольку менталитет управляет активностью человека, то расколотость менталитета обуславливает непоследовательность и непредсказуемость поведения субъекта менталитета, что, в свою очередь, может приводить к росту социальной дезорганизации. Знание описанных особенностей кризисного менталитета имеет значение для эффективного проведения различных социальных реформ. Одно из условий их успешности – обеспечение целостности менталитета. Для этого необходимо, во-первых, прогнозирование ожидаемой социальной реальности и, во-вторых, упреждающее системное созидание новых ментальных особенностей, адекватных прогнозируемой реальности.

Менталитет социума, даже одной нации, неоднороден. Для понимания некоторых существенных моментов развития общества важно выявить особенности менталитета интеллектуальной, или духовной, элиты, менталитета народных масс и менталитета правящей (политической) элиты. Благодаря своему менталитету, главной спецификой которого служит доминирующий в нем инновационный компонент, духовная элита творчески и квалифицированно культивирует высшие ценности социума, обобщает опыт мировой истории, производит взаимопроникновение высших достижений национальной и мировой культуры. Она осмысливает и переосмысливает идеи, лишь наметившиеся в сознании народа, ее назначение – поднять сознание от узких частных задач до уровня проблем большого общества, всего человечества. Духовная элита развивает высшую культуру на основе массовой. Внедряя потом посредством интеллигенции смыслы высшей культуры в массовое сознание, она обогащает массовый менталитет, который становится способным стремиться к поддержанию установления более про-

грессивных социальных отношений. В этом и проявляется взаимодействие менталитета духовной элиты и менталитета масс.

Важнейшая функция духовной элиты, по мнению А. С. Ахиезера, заключается в адекватной интерпретации массовых инверсий – таких ходов мысли и их результатов, которые связаны с абсолютным противопоставлением полярностей в различных сферах бытия, признанием противоположностей абсолютно несовместимыми. Для духовной элиты преимущественно характерен диалектический стиль мышления, называемый А. С. Ахиезером медиацией. Медиация характеризуется отказом от абсолютизации противоположностей, вниманием к их взаимопроникновению, стремлением к синтезу полярных утверждений. Медиация – творческий, рефлексивный процесс, порождающий культурные инновации – новые смыслы срединной культуры.

Функции духовной элиты – порождение новых культурных смыслов и внесение их в массы – создают для нее две опасности. Первая из них – раскол с народом, который массовым сознанием может рассматриваться как отпадение, превращение духовной элиты в носителя мирового зла. В результате само существование духовной элиты становится фактором роста дискомфорта, что грозит ей уничтожением. «Гибель духовной элиты, изоляция ее от общества может быть аналогична потере человеком разума в сложной ситуации... *Раскол не происходит в тех странах, где существует диалог духовной элиты с массовым сознанием, где результаты творчества каждой из частей общества постоянно осваиваются другими частями и масштабы приемлемых новшеств, шага новизны постоянно расширяются*¹³.

Вторая опасность для духовной элиты – партиципация, слияние ее с народом, отказ ее от своих специфических ценностей и принятие ценностей массового менталитета. В данном случае менталитет духовной элиты опускается до уровня массового менталитета и, следовательно, теряет свою специфику, а элита превращается в псевдоэлигу. Негативным последствием этого является исчезновение или ослабление конструктивной напряженности, которая имеет место в дуальных оппозициях «духовная элита – правящая элита», «духовная элита – народ», «правящая элита – народ». Это означает

¹³ Ахиезер, А. С. Россия: критика исторического опыта... Т. 1. – С. 191–192.

исчезновение, крайнее ослабление социокультурного механизма, обеспечивающего напряженное стремление духовной элиты, правящей элиты и народа к высшим ценностям национальной и мировой культуры во всех ее формах. Место этого стремления и этих ценностей заполняют не выходящее за пределы установленного правящей элитой шага новизны серое творчество, простая грамотность, ценности расхожих банальностей, всевозможные упрощенности, вступающие в противоречие с усложняющейся реальностью, что до катастрофических размеров усиливает социокультурные противоречия. В результате замены духовной элиты псевдоэлитой в обществе исчезает важный источник культурных инноваций и стимул социального прогресса. Вместо деятелей духовной элиты выдвигаются лидеры серого творчества – представители псевдоэлиты типа Т. Д. Лысенко. Кроме догматизма, инверсионной логики (того, что в отечественной философии XX века обычно называли метафизическим способом мышления), интолерантности, одной из характерных ментальных особенностей представителей псевдоэлиты является повышенная агрессивность, направленная против настоящей духовной элиты. Восстановление духовной элиты и установление ею продуктивного диалога с правящей элитой и народом – длительный и трудный процесс.

Менталитет духовной элиты отличается от менталитета не только масс, но и от менталитета правящей элиты. Духовная элита нацелена на решение перспективных основополагающих проблем жизни, на поиск высших ценностей. Она прогнозирует пути развития нравственных идеалов общества, а также указывает и на их слабости. Если в менталитете интеллектуальной элиты преобладает инновационный компонент, то в менталитете правящей элиты особенно выражен праксеологический компонент. Правящая элита превращает полученные духовной элитой результаты интерпретации в актуальную повседневную практику, в оперативную деятельность. Она решает в основном повседневные проблемы, направленные на стабилизацию общества и преодоление дезорганизации.

Правящая элита, балансируя между двумя социальными полюсами, должна поддерживать связь как с народными массами, так и с духовной элитой. Как и для духовной элиты, для нее характерны две опасности. Первая из них – отпадение от народа, чрезмерное

расхождение менталитета правящей элиты с массовым менталитетом, особенно в мотивационной части менталитета, то есть в понимании ценностей и целей бытия. Крайним случаем отпадения может быть принятие массами правящей элиты за воплощение мирового зла, что, в свою очередь, может приводить к социальному взрыву. Вторая опасность заключается в партиципации – стремлении власти слиться с народом, проникнуться почвенными, догосударственными иллюзиями, верой в способность народа после ликвидации бюрократии навести полный порядок, достичь изобилия, перегнать все страны и т. п. За полное заполнение менталитета правящей элиты ценностями и установками массового сознания правящая элита расплачивается ослаблением связи с духовной элитой или даже полным разрывом с ней и неизбежным при этом снижением компетентности решений и эффективности управления социумом. При этом правящая элита лишается разума, веры, красоты, а духовная элита – преобразующей социум силы. Различие менталитетов элит постоянно стимулирует возникновение противоречия между ними, которое, однако, периодически сменяется стремлением правящей элиты использовать творческую энергию духовной элиты для решения своих проблем по интеграции общества.

В случае глубокого конфликта между правящей и духовной элитой может происходить избиение последней, что в истории находило выражение в виде изгнания неугодных деятелей культуры, помещения их в монастырь, тюрьму или психиатрическую лечебницу, лишения права публиковать свои сочинения, а в крайних случаях – в виде физического уничтожения. При тоталитарных режимах отношения между правящей элитой, духовной элитой и народом принимают извращенный характер: духовная элита подавляется и уничтожается; возникает духовная псевдоэлита, которая вместе с интеллигенцией занимается серым творчеством; право быть источником инноваций признается за верхушкой правящей элиты и в крайних случаях тоталитаризма даже за одним лицом – верховным правителем. Принятие правящей элитой или диктатором несвойственной им инновационной функции, заключающейся в продуцировании новых культурных смыслов, которую они не могут эффективно выполнять, служит одной из причин негативных явлений в обществе.

Расхождение между правящей и духовной элитой может наблюдаться и в современных либеральных обществах. Например, Денис Медоуз, один из бесспорных лидеров современной научной элиты, впервые поставивший в 1972 г. вопрос о пределах роста, на вопрос о том, пытался ли он довести свои соображения о необходимости объединения усилий разных стран для решения глобальных проблем до слуха президента США, ответил: «Говорить что-либо Бушу – бессмысленно. Он верит в то, что все наши попытки что-то предотвратить – это суета. Когда наступит конец света, Господь спустится на облаке и заберет праведников в рай, а остальные сгорят, так что особенно беспокоиться не стоит»¹⁴. Интересно упомянуть, что Буш и некоторые другие высшие чиновники США исповедуют популярную там сейчас разновидность протестантской веры, именуемой «диспенсациолизмом» (от латинского «божий промысел»). Согласно этому учению, взятие спасенных христиан живыми на небо произойдет до Армагеддона, и они смогут с удовольствием наблюдать, как оставшиеся на земле грешники будут гореть в очистительном пламени. К грешникам, с их точки зрения, относятся и православные, не говоря уж о мусульманах. Вот такие, трудно вообразимые расхождения между взглядами представителей научной элиты и архаичными взглядами представителей правящей элиты, ничем не подкрепленными, кроме их желания спастись и еще обойти при этом других людей, могут наблюдаться и в наше время. Понятно, что подобные расхождения в менталитетах научной и правящей элит служат громадным препятствием на пути решения глобальных проблем современности.

Сказанное позволяет сделать выводы о том, что благополучное состояние общества и его устойчивое развитие возможны при условии сохранения специфики и сбалансированного, гармоничного взаимодействия через различные формы диалога менталитетов духовной элиты, правящей элиты и народных масс. Существование духовного разнообразия и ментальных различий в обществе – один из источников конструктивной напряженности и социального прогресса. Однако ментальные различия не должны быть чрезмерными. В целом желательна разумная, оптимальная мера ментальных различий и ментального сходства, обеспечивающая, с одной сторо-

¹⁴ Режабек, Б. Г. Встреча с корифеем // Вестник РФО. – 2005. – № 1. – С. 145.

ны, поддержание конструктивной напряженности и порождение культурных инноваций в процессе диалога, а с другой стороны, эта мера не должна приводить к конфронтации и насилию. Нарушение этой меры, ее отклонение в ту или иную сторону, способно вызывать негативные последствия в обществе: либо его стагнацию, либо конфронтацию, которая в крайних случаях может переходить даже в самоуничтожение.

Чрезмерные ментальные различия представляют опасность не только для России и других отдельных стран, но и для всей человеческой цивилизации. Б. С. Гершунский справедливо отмечает, что духовная энергия противостоящих друг другу социумов, «рано или поздно материализуясь в сугубо силовой конфронтации, грозит оказаться ничуть не менее разрушительной, чем неукротенная энергия атома»¹⁵. Для предотвращения этой конфронтации на планете необходима примерно следующая программа научных и педагогических мер: 1) изучение содержания ментальных различий социумов; 2) выявление природно-географических, социально-экономических, политических, культурных причин становления именно данных ментальных особенностей; 3) прогноз влияния менталитетов различных социумов на ход исторических событий; 4) коррекция менталитетов посредством сближения систем образования и воспитания разных социумов с целью достижения положительного результата по их интеграции.

Наиболее трудной задачей в рамках этой программы служит, пожалуй, выделение тех ментальных особенностей, которые адекватны требованиям социального прогресса. Но, несмотря на огромные трудности, эту задачу все же нельзя признать неразрешимой. Развитие межкультурных диалогов, толерантность, уважение самобытности социумов, создание, возможно, надправительственных советов экспертов по проблемам менталитета, использование этими советами мощной системы СМИ, влияние данных советов на культурные процессы, в том числе и на системы образования в разных странах, – все это может способствовать выделению и принятию человеческим сообществом наиболее оптимальных нравственных, политических, религиозных установок и других ментальных особенностей.

¹⁵ Гершунский, Б. С. Менталитет и образование. – М., 1996. – С. 9.